

УДК – 81.161.1 = 512.161 + 347.78.034

**ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ ЗНАКА ДЛЯ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И ТУРЕЦКИХ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ
РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»)**

Гванцеладзе А. Н.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского
E-mail: annagvantseladze@hotmail.com*

В статье рассматриваются понятия «значение» и «смысл» с точки зрения лингвистики, психологии, психолингвистики и философии, приводятся взгляды на значение слова как основы лексических, лексико-семантических и грамматических трансформаций.

Автор определяет соотношение значения и смысла, плана выражения и плана содержания языкового знака, пытается систематизировать теоретическую основу взаимовлияния лексического состава высказывания на его синтаксическую структуру при переводе.

Ключевые слова: тюркские языки, турецкий язык, русский язык, теория перевода, значение, смысл, знак.

Постановка проблемы. Переводная коммуникация имеет дело не с изолированными значениями отдельных слов, а с контекстом, для передачи которого часто используются лексические и лексико-семантические трансформации. Раскрытие смысла неизбежно ведет преобразованию исходного сообщения, что требует от переводчика четкого понимания контекста, обширных фоновых знаний, осведомленности в экстралингвистической ситуации. Значение и смысл, а также их взаимовлияние когда речь заходит об эквивалентности исходного и переводного текстов, основаниях лексико-семантических трансформаций, определении степени семантических сдвигов, критериях оценивания перевода.

Цель исследования состоит в определении роли «значения» и «смысла» высказывания и его конструкторов для переводной коммуникации. Для реализации поставленной цели предполагается решить ряд **задач: 1)** дать определение понятиям «значение» и «смысл» с точки зрения лингвистики, психологии, психолингвистики и философии, **2)** на примере русских и турецких параллельных текстов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» проанализировать взаимовлияние семантики высказывания и его синтаксической структуры.

Объектом исследования стали сложносочиненный союзные предложения и переводческие эквиваленты этих конструкторов.

Методология. Методологической основой исследования служат описательный, сравнительно-сопоставительный, контекстный и семантический анализ.

Переводчик работает с текстами, передающими некоторый смысл, раскрывающими интенцию автора. Тексты состоят из предложения, а последние – из слов. Для

теории перевода слово ценно не только как лексема, наделенная значением и указывающая на денотат, но и как конструктор предложения. Стоит отметить, что лексическая суть слова реализуется в окружении других слов. В свете вышесказанного, слово «есть ...форма отношений между морфемами и предложениями, которые являются основными функциональными единицами речи, ...определенным образом оформленное, берущее то побольше, то поменьше из концептуального материала всей мысли» [1, 19].

По мнению А. Д. Швейцера «семантические отношения, или отношения между означающим и означаемым, являются одним из наиболее существенных аспектов теории перевода» [2, 111], которая сочетает в себе несколько подходов к определению значения слова и рассматривает его в комплексе с позиции лингвистики, психолингвистики и философии.

Под «значением» подразумевают лексическое значение слова, часто определяемое как его денотативное содержание, «оформленное по законам грамматики» [3, 169] и направленное на реальную действительность. Иначе говоря, значение слова трактуется как объяснение его сути, описание его признаков, назначения и т.д.

Любомир Дюрович определяет значение как «сумму имплицитных отсылок к не-языку», которые призваны называть предмет или явление [4, 69].

Т. Е. Карлова говорит о значении слова как об отражении действительности в языке [5].

Э. Косериу рассматривает значение как закрепленную «в конкретном языке возможность для определенных обозначений». Значение ученый определяет как «содержание, создающееся в конкретном языке на основе существующих в нем оппозиций как в грамматическом строе, так и в словарном составе», тогда как обозначение соотносено с «именуемой в каждом языковом случае действительностью», то есть с предметами или явлениями [6, 63 – 81].

Ю. Д. Апресян отмечает, что разложение «ненаучного значения слова» на компоненты, или семы «обходится без синтаксиса», тогда как «всякое лексическое значение обладает синтаксической структурой» [7, 9 – 10].

Вслед за В. В. Виноградовым Л. К. Латышев отмечает, что «строительным материалом, из которого создаются тексты, являются знаки» [8, 98]. Переводная коммуникация предполагает два процесса осмысления и передачи коммуникативной интенции автора от значения конкретного знака к вычленению мысли автора в одном случае, и от целого – т.е. от идеи – к частному – то есть выбору знаков языка перевода (ПЯ) в соответствии с их значением – для правильной передачи цели коммуникации.

Говоря о значении важно определить, что такое знак. М. П. Кочерган характеризует знак как «матеріальний, чуттєво сприйманий предмет, який є представником іншого предмета і використовується для отримання, збереження і передачі інформації» [9, 29]. По мнению Л. – С. Бархударова знак обладает референциальным, прагматическим и внутрilingвистическим значением [10, 71 – 73].

С точки зрения психосемантики значение – это форма репрезентации объекта субъекту [11, 38 – 39]. Особенно наглядной такая трактовка «значения» становится на примере интерпретации в переводе реалий и национально-культурной лексики.

Раскрытие значения или толкование лежит в основе описательного перевода – переводческого приема развернутого объяснения, раскрывающего суть понятия исходного языка (ИЯ): *титularный советник* (в царской России гражданский чин 9 класса) – *dokuzuncu dereceden bir memur* (чиновник 9 ранга), *штаб-офицерская дочь* (дочь офицера в чине полковника, подполковника) – *yüksek rutbelisubay kızı* (дочь офицера в высоком чине).

Если делать упор на лексическое значение слова и принимать во внимание отсылку к реальной действительности, объектам и явлениям высказывания, то поиск подходящего эквивалента будет осуществляться согласно канонам денотативной теории перевода. Полученные таким образом лексемы языка перевода (ПЯ) будут определяться как эквиваленты оригинала, исходя из тождества обозначаемых объектов по схеме: лексема ИЯ – значение (отсылка к денотату) – лексема ПЯ: «*Дверь, как и тогда, отворилась на крошечную щелочку... = Hafifçe aralanan kapın ardından.. – Kapı tıpkı önceki gelişinde olduğu gibi, incecik bir çizgi gibi aralandı...*».

Однако такой поиск эквивалентов несколько недостаточен по отношению к узуальным предпочтениям языка в использовании тех или иных лексем в определенных ситуациях. Например: «...и *опять* два *вострые* и *недоверчивые* *взгляда* *установились* на него из *темноты*. = .. *kuşularla yüklü bir çift göz karanlığın arasından ona doğru bakıyordu. – .. ve yine iki keskin ve kuşkulu göz karanlığın içinden ona dikildi*. Использование денотативного соответствия лексеме «*взгляд*» в турецком тексте привело бы к неправильному описанию ситуации с позиции нормы и узуса ПЯ. Одно из значений русского «*взгляд*» определяется как «*выражение глаз*», что может быть основанием правомерности использования турецкой лексемы «*göz*», одним из значений которого является «*bakış, görüş*», т.е. «*взгляд*». Предположим, что решающим в выборе варианта перевода в ПЯ стала не лексема «*взгляд*», а глагольное сказуемое «*установились*». В миропонимании турецкого реципиента «*взгляд*» / «*bakış*» может быть «*резким*» / «*keskin*», «*подозрительным*» / «*kuşkulu*», но «*взгляд*» / «*bakış*» не может «*смотреть*» / «*bakmak*», тогда как «*глаз*» / «*göz*» может. Поэтому, для турецкого языка предпочтительней сочетание «*iki göz bakıyordu / iki göz dikildi*» («*два взгляда установились*»).

Аналогичным образом объясняется перевод фразы «...*пришла ему в голову* *одна престранная мысль*. = .. *aklına çok tuhaf bir düşünce geldi. – .. çok tuhaf bir düşünce geldi aklına*». «*Birinin aklına gelmek*» – устойчивое выражение турецкого языка, употребляющееся только так и никак иначе для передачи значения «*прийти на ум*», что синонимично словосочетанию «*прийти в голову*».

В предложении слова сочетаются не только на основе семантических признаков, но и по правилам конструктивных ограничений [12, 8]. Таким образом, понять принципы построения высказывания и интерпретировать его в переводе, опираясь только на значение составляющих его компонентов, нельзя [13, 133]. Стоит заметить, что такие прагматические аспекты как отношение переводчика к произведению, его понимание, принятие или отрицание событий также влияет на способы передачи сообщения оригинала, его лексическое и синтаксическое оформление.

Грамматическая сочетаемость важна для построения семантически эквивалентного оригиналу высказывания в ПЯ. В примере «*Все этиотклики и разговоры слер-*

*жали*Раскольникова... = *Bütün be seslenişler ve konuşmalar, Raskolnikov'u durdurdu...* - *Bütün bu sözler, konuşmalar Raskolnikov'u söylemeye hazırladığı sözleri söylemekten alıkouyordu...*» лексеме «сдержатъ» присущи следующие значения: «1. кого-что остановить, ослабить то, что движется, развиваться с силой. 2. перен., кого-что, не дать обнаружиться полностью, затаить. 3. что, исполнить (обещанное)». В данном случае используется переносное значение слова и параллельная отсылка к прямому значению. Поэтому первый переводчик выбрал лексему «*durdurmak*» (понудительное наклонение от «*durmak*» «остановиться, стоять, находится без движения») для передачи значения оригинала, а второй – лексему «*alıkoymak*» («удерживать от чего-либо, от желания сделать что-либо»), что по замыслу автора лучше отражает смысл лексической единицы ИЯ, но влечет перестройку предложения, т.к. нужное значение лексема «*alıkoymak*» приобретает в сочетании с зависимым по смыслу словом в форме исходного падежа.

«Вдруг тоненькие, как спички, руки ее **обхватили его** крепко-крепко... = *Birdenbire, kibrit çöpü gibi incecik iki kol, onu sımşıkı **kucakladı.** – Kibrit çöpü gibi incecik iki kol **boynuna sımşıkı sarıldı***» – еще один пример разной грамматической сочетаемости лексем с близким семантическим значением. Русская лексема «*обхватить*», значение которой определяется как «1. Заключить, как в кольцо, в широко разведенные и сомкнутые в пальцах руки, а также вообще окрутив, сжать (чем-либо. тугим, плотным)», требует прямого дополнения. Анализ лексического значения глаголов «*kucaklamak*» и «*sarılmak*» показывает их частичное пересечения с лексическим значением слова ИЯ. При этом, «*kucaklamak*» требует прямого дополнения, а «*sarılmak*» – косвенного в форме дательного падежа.

Майкл Даммит говорит о невозможности описания значения слова в отрыве от грамматических категорий. Теория значения включает аксиомы, отвечающие за управление отдельными словами и управление построением предложения [14, 130–132].

Можно предположить, что данный тезис указывает на критерии сочетаемости слов, исходя из грамматических особенностей той части речи, к классу которой принадлежит лексема. Это важно с точки зрения теории перевода, т.к. принадлежность лексемы к той или иной части речи влияет на план выражения всего высказывания, т.е. на форму построения предложения: «...и ему **отвечали** ласково. = ...*mahkumlar da ona tatlı tatlı **cevaplar verdiler.** – .. *mahkumlar ona güler yüzle, sevecenlikle **karşılık verdiler.***» Русскому глаголу «*отвечать*» в турецком языке соответствует составное именное сказуемое «*cevap / karşılık vermek*». Наряду с этим ситуация произнесения высказывания вносит в перевод свои коррективы. Так, именная часть составного сказуемого в первом переводе представлена формой множественного числа «*cevaplar*». Такая форма могла быть избрана переводчиком исходя из ситуации реальной действительности, в которой ответы давались множеством заключенных. Лексические трансформации в виде дополнений будут характерны при передаче на турецкий язык семантики начала действия русских глаголов: «...и девочка тихо **заплакала**... = *Kızcağız, ...yavaşça **ağlamaya başladı.** – *Polya ... **ağlamaya başladı...***» – что объясняется грамматическим оформлением значения начала действия в турецком языке через составное глагольное сказуемое, одна часть**

которого нечет функциональную нагрузку названия действия, а вторая указывает на его начало.

Психолингвисты настаивают на использовании понятия «ассоциативное значение, ...представленное набором слов-реакций на ...слово-стимул». Реакция может вырабатываться не только на определенное слово, но и на семантически связанные с ним слова [15, 142 – 148]. Отсюда следует, что межъязыковые синонимы, выражающие одно понятие, способны вызывать одинаковые реакции и ассоциации у реципиентов, говорящих на разных языках. Такой же мысли придерживался Ю. Найда, говоря о коннотативном значении языковой единицы [16, 91 – 98].

Стоит заметить, что правильная интерпретация значения лексической единицы ведет к осмыслению цели коммуникации и идеи автора, заложенной в определенном высказывании. Однако набор значений лексических компонентов предложения не тождественен его смыслу. Дуализм «значение – смысл», который «неявно присутствует в любом тезисе», решающий для теории перевода [17, 133].

Смысл – второй элемент содержания по Э. Косериу, который наряду с языковыми средствами может быть выражен «внеязыковыми средствами или не только использованием языковых средств по их прямому назначению» [18, 63 – 81].

Говоря о том, что значение фиксировано А. В. Федоров подчеркивает, что смысл актуализируется в контексте [19, 151]. Из этого следует, что в состав значения слова входят компоненты, позволяющие ему образовывать семантически значимые пары с другими словами и актуализировать определенный смысл. Если быть точнее, то значение – категория языка, тогда как смысл – категория речи, что обеспечивает ее подвижность и зависимость от контекста. Подобное утверждения верно для большинства слов, поскольку часто сетка значения лексемы не ограничивается одним определением: «*Марфа Петровна распорядилась за неделю до смерти...* = *Marfa Petrovna ölümünden bir hafta önce vasiyetnamesinde bunu koydurttu.* – *Marfa Petrovna ölümünden bir hafta önce yaptırdı vasiyetnamesinde bu düzenlemeyi...*». «*Распорядиться*» трактуется как «1. То же, что приказать. 2. Позаботиться об устройстве, использовании, применении чего-либо. 3. Вести дело, хозяйство, управлять чем-либо. 4. Вести себя как хозяин, начальнически». Контекст и ситуация, в которой произносится данное высказывание, указывают переводчику на выбор первого значения слова ИЯ, вынуждая его эксплицитно показать подразумеваемую оригиналом информацию в виде лексического дополнения высказывания.

Помимо содержания и контекста на выбор языкового элемента для передачи коммуникативной интенции говорящего, а впоследствии и на способ перевода высказывания, влияет информация, на которую опирается отправитель сообщения. В. Г. Гак называет такую информацию «пресуппозицией». Связь одного обозначения с разными значениями в разных языках объясняется единством описываемой ситуации. Разница состоит в признаках ситуации, которые выбирают носители разных языков для ее описания [20, 20 – 29].

Таким образом, значение высказывания не является суммой значения составляющих его компонентов, и является недостаточным для корректного использования предложения в определенных условиях. Важную роль в этом играет контекст. Поскольку смысл актуализируется исключительно в окружении иных знаков, его

можно представить как «скорлупу, окружающую ядро» – фиксированное значение слова [21, 133 – 135].

Вместе с тем, для вычленения нужного смысла из некоторого количества вариантов его понимания «выбирается такое осмысление данного предложения, при котором повторяемость семантических элементов достигается максимума». Особую роль играет повтор одного или нескольких семантических компонентов предложения, что обеспечивает актуализацию требуемого смысла в сознании реципиента [22, 15].

О недостаточности самого значения для перевода говорит тот факт, что выбор варианта перевода исходной единицы должен базироваться не только на признаках, отображенных в лексическом значении, но и на экстралингвистических данных и внеязыковой ситуации [23, 72]. Особенно наглядно данный тезис иллюстрирует перевод реалий: «...на пороге появился священник с запасными **дарами**...» = *Eşikte elinde yedek **şarap ve ekmeke**...bir papazcık göründü.* – ...ve eşikte, elinde **ekmek ve şarap** ...bir papazcık göründü». Дарами в церковном таинстве называются хлеб и вино, что и расшифровано в переводе. В следующем примере контекст в рамках одного предложения не объясняет факторы, побудившие переводчиков интерпретировать личное местоимение в родительном падеже «его» и лексему «книгу» как «*İncil*» / «Евангелие», так как изолированное значение обоих единиц оригинала не содержит ссылку на «*İncil*» / «Евангелие». Обращение к более широкому контексту – в рамках абзаца – позволяет установить отношения эквивалентности оригинала и перевода: «Он сам попросил **его** у ней незадолго до своей болезни, и она молча принесла ему **книгу**. = *Bu **İncil'i**, hastalığından az önce, kendisi kızdan istemişti, o da, hiçbir şey söylemeden getirip vermişti.* – *Geçenlerde hastalanmadan hemen önce, kendisi istemişti Sonya'dan bu **İncil'i**. Sonya'da hiçbir şey söylemeden getirip vermişti.*

«Я, брат, никак и не ожидал, чтобонабылатакая... **аванантенькая** (фр. приятная, привлекательная) ...а?» = *Doğrusu bu kadının bu kadar **iyi ve anlayışlı** olacağını hiç beklemiyordum.* (По правдеговоря, я не ожидал, чтоэтаженщинабудет так добра и отзывчива)» – данный пример также демонстрирует необходимость обращения к внеязыковой ситуации для извлечения смысла «приятная, привлекательная» реалии-экзотизма попавшей в русскую речь из французского языка и отражающей колорит определенной эпохи.

Теория перевода рассматривает значение некоторого слова как ключ к пониманию целого. Доминирующая функция текста извлекается переводчиком из сообщения, когда он ориентируется на информацию, сообщаемую через значение лексических единиц в составе сообщения [24, 83].

В переводе важно учитывать различие, которое проявляют языки, в использовании тех или иных значений. Другими словами, нужно обращать внимания на то, что одному и тому же факту могут присваиваться разные значения. Один и тот же смысл может быть выражен разными лингвистическими средствами в разных языках, поскольку смысл – «категория коммуникативная и субъективная, независящая от различий между языками» [25, 81].

По мнению З. Д. Львовской смысл предложений зависит от того, «в какой именно речевой ситуации и с какой целью они были произнесены» [26, 78 – 79].

Так, перевод нижеприведенного предложения считается эквивалентным на уровне цели коммуникации, тогда как на уровне знаков наблюдается полное несоответствие лексем оригинала и перевода: «Он было хотел пощупать пальцем, но **отдернул руку**... = *Parmağıyla ellemek istedi, ama vazgeçti* – *Eliyle de yoklamak istedi, ama vazgeçti*...». Толковый словарь не приводит трактовки «отказываться, отступить от чего-то; перестать, прекратить» как значения слова «отдернуть». Однако, широкий контекст и ситуация позволяет интерпретировать его как «отказаться от своего намерения».

Выводы. Анализ фактического материала, представленного нашими русскими и турецкими параллельными текстами романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» показал, что значение и смысл имеют одинаковую ценность для переводчика, который рассматривает значение языкового знака как базу для извлечения смысла высказывания и построения предложения в ПЯ.

Материалы исследования показывают, что знаки могут обладать смыслом только как связанные единицы, формирующие тексты и передающие их содержание. Смысл знака зависит не только от контекста и ситуации, но и от цели коммуникации, а также отношения отправителя сообщения к высказыванию, его намерений.

Примеры отчетливо показывают, что соотношение слова, а именно графико-звуковой оболочки знака, с его значением можно выделить только при понимании включенности слова в предложения и тексты. Семантика слов в тексте может отличаться от значения изолированных слов, поскольку только в тексте слово получает свое осмысление.

Углубленного изучения прагматического значения, передача которого может провоцировать семантические сдвиги и изменения мотивационного контекста определяют **перспективу** дальнейших исследований.

Литература

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М. : Русский язык, 2001. – 720 с. – ISBN 5-200-03017-X.
2. Швейцер А. Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты) / А. Д. Швейцер. – М. : «Наука», 1988. – 215 с. – ISBN 5-02-010882-0.
3. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – М. : «Наука», 1977. – 310 с. – [Электронный ресурс], режим доступа : <http://books.e-heritage.ru/book/10077375>.
4. Дюрович Л. Соблазн родства (О значении лексем в родственных языках) / Любомир Дюрович // Слово в тексте и в словаре. Сборник статей к 70-ти летию академика Ю.Д. Апресяна. – С. 69–73 [Электронный ресурс], режим доступа : <http://bookre.org/reader?file=1472565>.
5. Карлова Т. С. Лексичне значення: досвід концептуального аналізу / Т. С. Карлова // [Электронный ресурс], режим доступа : http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/apif/2010_5/karlova.pdf.
6. Косериу Э. Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение / Э. Косериу // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XXV. Контрастивная лингвистика. – С. 63 – 81 [Электронный ресурс], режим доступа : http://www.classes.ru/grammar/166.new-in-linguistics-25/source/worddocuments/_4.htm.
7. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю. Д. Апресян. – М. : «Восточная литература» РАН, 1995. – 365 с. – [Электронный ресурс], режим доступа : <http://ru.scribd.com/doc/73912524/Апресян-Ю-Д-Избранные-труды-Том-1-Лексическая-семантика-1995>.

8. Латышев Л. К. Курс перевода (эквивалентность перевода и способы ее достижения) / Л. К. Латышев. – М. : Международные отношения, 1981. – 247 с.
9. Кочерган М. П. Вступ до мовознавства: Підручник для студентів філологічних спеціальностей вищих навчальних закладів / М. П. Кочерган. – К. : Видавничий центр «Академія», 2001. – 368 с. – ISBN 966-580-100-7.
10. Бархударов Л. – С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. – С. Бархударов. – М. :Международные отношения, 1974. – 240 с.
11. Петренко В. Ф. Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. – СПб. : Питер, 2005. – 480 с. – ISBN 5-94723-527-7.
12. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика (синонимические средства языка), там же, 8.
13. Философия, логика, язык / [перевод с англ. И нем. / сост. предисл. В. В. Петрова, общ. ред. Д. П. Горского и В. В. Петрова] – М. : Прогресс, 1987. – 336 с.
14. Петров В. В., там же, 130 – 132.
15. Слобин Д. Психоллингвистика / Д. Слобин, Дж. Грин ; [перевод с англ. Е. И. Негневицкой, под общ.ред. А. А. Леонтьева). – М. : Прогресс, 1976. – 351 с.
16. Nida Eugene A. The theory and practice of translation / Eugene A. Nida and Charles R. Taber. – Leiden : Brill Academic Publishers, 2003. – 218 p. – ISBN 9004132813.
17. Петров В. В., там же, 133.
18. Косериу Э., там же, 63 – 81.
19. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) / А. В. Федоров. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2002. – 416 с. – ISBN 5-8465-0019-6.
20. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков) / В. Г. Гак. – М. : «Международные отношения», 1977. – 264 с.
21. Петров В. В., там же, 133 – 135.
22. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика (синонимические средства языка), 15.
23. Дюрович Л., там же, 72.
24. Сдобников В. В. Теория перевода / В. В. Сдобников, О.В. Петрова. – М. : Восток-Запад, 2006. – 448 с. – ISBN 5-478-00306-9.
25. Львовская З. Д. Теоретические проблемы перевода (на материале испанского языка) / З. Д. Львовская. – М. : Высшая школа, 1985. – 232 с.
26. Львовская З. Д., там же, 78 – 79.
27. Верещагин Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1980. – 320 с.
28. Белянин В. П. Психоллингвистика / В. П. Белянин. – М. : Флинта, 2004. – 232 с. – ISBN 5-89349-371-0.
29. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – [Электронный ресурс], режим доступа : <http://ozhegov.info/slovar/>.
30. Türk Dil Kurumu Büyük Türkçe Sözlük – [Электронный ресурс], режим доступа : <http://tdkterim.gov.tr/bts/>.
31. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание / Ф.М. Достоевский. – Харьков :Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1983. – 480 с.
32. Dostoyevski F. M. Suç ve Ceza: 2 Cilt / F. M. Dostoyevski. – İstanbul: Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, 2002. – 738 s. – ISBN 975841478X.
33. Dostoyevski F. M. Suç ve Ceza / F. M. Dostoyevski. – İstanbul: Kumsaati Yayınları, 2010. – 687 s. – ISBN 978-975-458-902-3.

Гванцеладзе А. М. Значення та зміст знака для теорії перекладу (на матеріалі російських та турецьких паралельних текстів роману Ф.М. Достоевського «Злочин і покарання») / А. М. Гванцеладзе // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 73–81.

**ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ ЗНАКА ДЛЯ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И ТУРЕЦКИХ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ РОМАНА...)**

У статті розглядаються поняття «значення» та «зміст» з точки зору лінгвістики, психології, психолінгвістики та філософії, надаються погляди на значення слова як основи лексичних, лексико-семантичних та граматичних трансформацій.

Автор визначає співвідношення значення та змісту, плану вираження та плану змісту мовного знака, намагається систематизувати теоретичну основу взаємовпливу лексичного складу висловлювання на його синтаксичну організацію в перекладі.

Ключові слова: тюркські мови, турецька мова, російська мова, теорія перекладу, значення, зміст, знак.

Gvantseladze A. N. The meaning and the sense of the linguistic sign in theory of translation (on the material of the Russian and the Turkish parallel texts of F.M. Dostoyevsky's novel "Crime and Punishment") / A. N. Gvantseladze // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 73–81.

The definitions of meaning and sense of the linguistic sign through such branches as linguistics, psychology, psycholinguistics and philosophy are represented in the current article. From the other hand, different concepts of meaning which form the base for the lexical, lexico-semantic and grammatical transformations in translation are given in the represented work.

Transformations require from the translator clear understanding of the context, deep knowledge of the background of the phrase or described situation, knowledge of the non-linguistic features and peculiarities of the situation given that is vital important for picking out the only one right variant of interpretation of the meaning of a word. On the other hand the meaning of the linguistic sign influences directly on the content (meaning) of the text. It should be mentioned that the denotative meaning and the significative meaning form the semantic meaning of a phrase.

In accordance with the different aspects of the meaning of the word or the sense of phrase translator chooses an appropriate variant for the interpretation.

The communication through translation marks out a question of the correlation between such terms as meaning and sense. The theorists of translation cannot avoid mentioned topics in their studies while describing the issue of equivalence between texts in the source and the target languages, bases for the lexico-semantic transformations, marking the degree of semantic shifts, describing criteria for the estimation of translated texts.

The represented article dues with the correlation of meaning and sense and the correlation of the form of expression and the form of content of the linguistic sign. The research represents systematization of the theoretical base of the interference (two-way influence) between the lexical composition and the syntactical structure of a phrase while being translated.

Key words: the Turkic languages, the Turkish language, the Russian language, theory of translation, meaning, sense, linguistic sign.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.